

Ш.А. Султаналиева¹, А.И. Гарбер²¹Казахский национальный университет им. аль-Фараби. Казахстан, г. Алматы²Реабилитационная клиника "Reinhardshöhe", Бад Вильдунген, Германия
(E-mail: ¹sharapat.kelbuganova@gmail.com, ²alena.garber@gmx.de)

Роль межличностного и межгруппового прощения в историческом контексте

Аннотация. В последние десятилетия ученые начали рассматривать роль межгруппового прощения в уменьшении конфликтов и улучшении перспектив сохранения и укрепления мира между группами народов. Конструкт прощения до недавнего времени в основном характеризовался как индивидуальный феномен. Важно изучить процесс прощения между группами или народами, пострадавшими от прошлых конфликтов как на символическом, так и на физическом уровне. Постконфликтное межгрупповое прощение зависит от процессов социальной идентичности, коллективной вины и стыда, межгруппового контакта, групповых эмоций и поддерживается развитием позитивных установок. Интерпретация событий влияет на процесс прощения. Важно исследовать исторический контекст и последствия различных исторических событий.

В нашей статье рассматривается на конкретном примере, что означает прощение одной группы другой группой. Социальный контекст включает исторический конфликт по дискриминации европейских евреев в Германии по национальному признаку. На основе анализа социального контекста возможно попробовать сделать прогноз относительно перспектив межгруппового прощения между представителями двух народов, что на сегодняшний день по-прежнему является актуальным из-за роста националистических настроений в мире. Таким образом, обращение внимания на социальный контекст позволит нам проанализировать как роль межличностного прощения в историческом контексте, так и его вклад в объяснение и исследование различий в межгрупповом прощении.

Ключевые слова: межличностное прощение, межгрупповое прощение, европейские евреи, холокост, теория социальной идентичности, межгрупповой мир, безопасность, доверие.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6895-2023-143-2-317-329>

Введение

За последние двадцать пять лет появились сотни эмпирических и теоретических исследований, посвященных психологии межличностного прощения. Исследования по этой теме являются существенными и междисциплинарными [1, 39 стр.; 2, 75 стр.]. Исследование психологических вмешательств, направленных на то, чтобы помочь людям исцелиться эмоционально, прощая других, которые были несправедливы по отношению к ним, важно при обсуждении группового прощения. Прикладные исследования показывают, что у участников снижается гнев, тревога и/или психологическая депрессия, повышается самооценка и улучшается общее самочувствие [3, 82 стр.]. Эти положительные результаты были обнаружены в прикладных исследованиях, проведенных с участниками, живущих в социально напряженных регионах, таких, как Белфаст, Северная Ирландия [4,

17 стр.]. Если прощение может помочь людям справиться с несправедливым обращением, возможно, группы, которые испытали несправедливость, также могут извлечь пользу из прощения.

Большая часть концептуальной и эмпирической работы по межличностному прощению была распространена на межгрупповое прощение. Психологические компоненты, включающие межгрупповое прощение, включают оценку, развитие норм, заявления и жесты доброй воли, а также создание социальных структур, способствующих прощению.

Цена межгруппового конфликта значительна и многогранна. Гибель людей, уничтожение имущества и психическое здоровье вовлеченных лиц влекут за собой социальные и экономические издержки. Восприятие несправедливости в результате этих потерь может привести к гневу и ненависти, создавая циклы насилия и возмездия, которые продолжаются из поколения в поколение. Прощение между группами может играть важную роль в усилиях по установлению мира.

Постановка проблемы: трудности на пути к межличностному прощению.

R. Enright утверждает, что прощение – это, по сути, «отказ от обиды или мести», когда действия правонарушителя заслуживают этого, и вместо этого предоставление обидчику даров «милосердия, великодушия и любви» или «благоденствия», когда правонарушитель их не заслуживает. Другими словами, когда люди прощают, они, по сути, отказываются от гнева, на который имеют право, и делают своему обидчику подарок, на который он или она не имеет права. В зависимости от серьезности проступка и времени, в течение которого обиженное лицо жило и, возможно, отрицало вред, причиненный обидой, прощение может быть длительным, трудным и болезненным процессом.

R. Enright и его коллеги обнаружили, что основным препятствием на пути к прощению других людей является непонимание того, что такое прощение. Люди, которым было бы полезно прощать, иногда ошибочно полагают, что для того, чтобы простить, они должны сделать невозможное или даже неправильное.

Чтобы быть готовыми работать над тем, чтобы простить обидчика, людям часто нужно сначала узнать, чем прощение не является.

Например, подлинное прощение не означает забвение того, что обида была совершена, попустительство или извинение обиды, отказ от попыток добиться реституции или законной справедливости, а также подавление или прекращение гнева по поводу того, что произошло. Кроме того, подлинное прощение не требует, чтобы правонарушители сначала признали свои обиды, попросили прощения, возместили ущерб или были готовы и способны изменить свое оскорбительное поведение. Хотя, может быть, легче простить обидчика, который реагирует таким образом, тот, кто был оскорблен, не должен оставаться в ловушке непрощения из-за неспособности или нежелания обидчика сделать это. Иногда обиженный может не хотеть или не уметь прощать по менее очевидным причинам. Обиженный человек может получать «вторичные выгоды» от роли жертвы. Например, внимание или влияние, которое человек получает в результате обиды, или «сила», которую он может чувствовать, или бегство от эмоциональной боли или депрессии из-за затаивания обиды, могут усиливать непрощение.

Наконец, подлинное прощение не обязательно – а иногда и не должно – приводить к примирению. Истинное примирение требует не только предложения прощения со стороны обидчика, но и принятия этого дара обидчиком и способности обеих сторон восстановить взаимное доверие или межличностную безопасность в своих отношениях.

Прощение не требует, чтобы прощающий сообщил человеку, что он прощает. Безусловно, это может быть важно для обеих сторон. Но это не является решающим для процесса. Иногда это даже невозможно. Это внутренний процесс, а не интерактивный. Можно простить кого-то, не примиряя их. Можно примириться, не прощая обид.

Образцом межличностного прощения является Ева Мозес Кор, которая прошла через этот опыт в самых сложных обстоятельствах. Она создала небольшой музей Холокоста в

Индиане. Ева и ее сестра-близнец Мириам были одними из немногих, кто был свидетелем смерти доктора Йозефа Менгеле. Она пошла на многое, чтобы узнать больше о печально известных экспериментах Менгеле, чтобы помочь своей сестре и другим, которые все еще страдали от физических последствий. Во время своего исследования она наткнулась на бывшего нацистского врача, который работал с Менгеле в Освенциме. И она публично простила его.

В этой статье Е.М. Кор рассказала своему интервьюеру о своей встрече с бывшим нацистским врачом:

«Я была настолько впечатлена его готовностью помочь с моим проектом, что написала ему письмо с извинением. Идея понравилась с первого момента. Никто другой не может дать мне эту силу, никто не может отнять ее у меня. Когда ты жертва, другие имеют власть над тобой, но когда ты прости, это возвращает тебе ощущение того, что ты снова хозяин своих чувств и ощущений. Это прекрасное чувство.... Как бы ни была велика, сколь сильна ни была твоя боль – прощением ты можешь избавиться от них всех. Я говорю людям прощать злейшего врага; это исцеляет вашу душу и освобождает вас».

Хотя Е.М. Кор делает акцент на прощении, а не на примирении, в этом интервью освобождающая и укрепляющая сила прощения, о которой она говорит, также присуща примирению. И то, и другое позволяет жертве взять на себя бремя превращения и отложить в сторону воспоминания о страданиях и идти по пути к более полноценной и самоопределенной идентичности.

Цель межгруппового прощения

Прощение, определяемое как снижение мотивации отомстить обидчику или избежать его, и усиление мотивации к примирению с обидчиком, несмотря на вредные действия, недавно стало предметом исследований, изучающих способы улучшения враждебных межгрупповых отношений [5, 361 стр.].

Согласно Hanke (2009), межгрупповое прощение можно описать как динамический процесс между жертвой и виновной стороной, который включает переговоры и понимание [6, 69 стр.]. Это разворачивающийся и непрерывный процесс, в котором сторона-агрессор предоставляет стороне-жертве причины подумать о прощении и примирении. Важно отметить, что он включает в себя психологическое закрытие для обеих сторон (например, форма «социального исцеления»), в котором достигается символический отход от прошлого. Общая и согласованная интерпретация конфликта между обеими сторонами необходима для того, чтобы они могли сопереживать и завоевать доверие другой стороны. Процесс включает в себя признание причиненного вреда и публичное извинение, которое включает в себя значимые и последовательные действия, а также признание пострадавшей стороной того, что подход виновной стороны является надлежащим и искренним, что ведет к открытому диалогу. Этот диалог может включать в себя обмен историческим пониманием конфликта.

Препятствием к межгрупповому примирению и прощению может являться проблема с идентификацией, солидарность со своей группой, а не с группой «других». Трудно изменить свой образ самого себя или важные части своего самоощущения (например, отказ от идентичности жертвы). Нет образцов для подражания, которые служат примером примирения. Noor, Brown, et al. (2008) утверждают, что межгрупповое прощение связано с проблемами, связанными с идентичностью [7, 98 стр.]. Основываясь на SIT, Noor и его коллеги утверждают, что это отличает межличностное прощение от межгруппового. Они предположили, что сила идентичности объясняет связи между другими переменными и межгрупповым прощением. Восприятие издержек, связанных с дарованием прощения, и отношение к прошлому (историческое завершение) могут оказывать влияние на межгрупповое прощение, что можно объяснить уровнем идентичности, то есть восприятие затрат на предоставление прощения и отсутствия исторического закрытия может быть связано с более сильной идентификацией с пострадавшей группой и, следовательно,

может действовать как посредник и может объяснять взаимосвязь между историческим закрытием и межгрупповым прощением.

Члены группы, которую очень сильно обидели, испытывают сильное чувство солидарности между собой. Эта солидарность подкрепляется их общей идентичностью жертвы, их общей историей преследований, их общей ненавистью к своим угнетателям и общее чувство несправедливости.

В результате, если члены «группы жертв» подумывают о примирении с «группой преступников», они могут колебаться, полагая, что предадут ту самую солидарность. Или они могут бояться быть обвиненными в предательстве своей группы даже за то, что они ищут какую-либо форму сближения «одного из них». Одного этого может быть достаточно, чтобы сдерживать себя, чтобы защитить свою очень ценную связь со своей группой. Другой способ взглянуть на идентичность как на препятствие на пути к примирению состоит в том, чтобы признать, насколько трудно любому из нас отказаться от своей старой идентичности, независимо от контекста.

Исследование Manzi & González показывает, что прощение и вина могут быть переведены в межгрупповые термины через социальную идентификацию [8, 73 стр.]. Согласно теории социальной идентичности [9, 20 стр.], межгрупповые установки предполагают переход от личной к социальной идентичности. «Люди ведут себя иначе в межгрупповых условиях, чем в межличностных, из-за перехода от личной к социальной идентичности» [10, 207 стр.]. Gobodo-Madikizela утверждает, что группы могут вдохновлять и обеспечивать контекст для продвижения процесса прощения, который происходит на групповом уровне [11, 180 стр.].

Идентификация жертвы, которую многие жертвы естественным образом принимают на себя, но небрежно сохраняют любой ценой, является серьезным препятствием на пути к примирению. Потому что это заставляет их снова и снова смотреть на зло, причиненное им другим.

Психологически нездорово или позитивно оставаться в роли «вдовы», «жертвы жестокого обращения» или «сироты». Это запирает в жизни, полной печали, горечи, страха быть брошенным или чего-то еще. У каждого человека может быть такое разнообразие личностей. Поэтому для каждого и для всего общества будет трагедией, если человек останется в ловушке этих клеток идентичности.

Возможно, самым трудным препятствием является тот факт, что формирование новой идентичности требует вступления на незнакомую территорию – эмоционально и, возможно, буквально. И это может быть действительно страшно. Один из способов облегчить такой переход – искать вдохновляющие образцы для подражания. Это могут быть религиозные или исторические личности, такие, как Иисус, Махатма Ганди или Мартин Лютер Кинг-младший. Когда новости диктуют мировоззрение, историями о мести, возмездии и других способах бесконечного увековечивания прошлой несправедливости и исторической ненависти.

История

Доверие и безопасность как основа группового прощения

Согласно Nadler & Liviatan (2006) отсутствие доверия является типичной реакцией на неразрешенные конфликты и одним из основных препятствий на пути к примирению [12, 32 стр.]. Обычно это влечет за собой убеждение, что чужая группа имеет плохие намерения в отношении своей группы [13, 99 стр.]. Предыдущие исследования показали, что доверие положительно влияет на процесс прощения на межгрупповом уровне. Однако степень доверия может варьироваться в зависимости от контекста. Особенно в неразрешенном контексте, когда группа бывших преступников несет бремя прошлого, группы, ранее пострадавшие, могут с подозрением относиться к повестке дня, которая движет их действиями, даже если они кажутся безобидными.

Восстановление доверия имеет решающее значение, поскольку оно будет способствовать развитию доброжелательности по отношению к чужой группе и уменьшению недоверия

к ней [14, 86 стр.]. Поскольку положительная связь между доверием и прощением уже была установлена предыдущими исследованиями, доверие чужой группы должно быть положительно связано с исторической закрытостью.

Чтобы любой на стороне жертвы мог предпринять шаги к примирению, он или она должны чувствовать себя в безопасности, ступив на территорию преступника. И если воздвигнуты лишние стены, чтобы та же страшная опасность, которая угрожала в прошлом, не угрожала в настоящем и будущем, то нужны надежные сигналы о том, что эта опасность ушла навсегда, прежде чем человек подумает о ней. По этой причине примирение становится намного проще, когда сторона, совершившая преступление, уже предприняла шаги, чтобы заслужить примирение. Например, это может принимать форму искренних извинений, искупления, возмещения убытков или другие шаги, чтобы возместить ущерб, чтобы показать, что вы больше не презираемый враг. Эти шаги дают жертве ощутимые доказательства того, что «другой» превратился в кого-то, кому может доверять и с кем можно примириться. Такие доказательства помогают жертве чувствовать себя менее уязвимой, когда он или она намеревается примириться. И это помогает развить больше сочувствия к человечности «другого».

История «Тиккун олам» как мотивация к прощению

Важным элементом в феномене прощения является мотивация. Причины такой мотивации могут быть религиозными, психологическими, социальными и моральными. В любом случае мотивация усиливается, когда человек может ожидать, что усилия по примирению в конечном итоге окупятся значимым образом. Сердце освободится от горечи или серьезных ран внутри, исцелятся отношения. Или чувство большей безопасности устраняет большой источник внутреннего напряжения. На пути к примирению способствует надежда на то, что сердце еврейского народа освободится от бремени предубеждений и от этого станет легче. И это ожидание исходит из опыта предыдущих исследований силы прощения.

Создание групповых норм и общих ценностей, способствующих прощению. Группы способны к определенному поведению, одним из которых является моральный императив к действию [15, 100 стр.]. Этот моральный императив может принимать как минимум две формы. Первый – это то, что можно назвать мотивационным поведением оценки. Группу можно мотивировать на передачу позитивных ценностей своим членам и другим группам (например, «Мы ценим мир, мы ценим сотрудничество»). Второе – это то, что называется установлением групповых норм того, что приемлемо и что неприемлемо в отношении моральных вопросов. Например, группы могут поддерживать или выступать против эвтаназии, использования детского труда или возмездия за проступок. Группы могут играть важную роль в процессе прощения, создавая нормы, поддерживающие прощение. Например, в сообществах, где прощение ценится и является нормативной реакцией на несправедливость, можно было бы ожидать, что прощение будет вероятной реакцией на обиду. Реальный пример этой логики можно увидеть в ответе амишей на убийство школьников-амишей в Никелевых рудниках, штат Пенсильвания. В ответ на трагедию сообщество использовало свои процессы и структуры принятия решений для коллективных действий, чтобы выразить свое прощение обидчику и продемонстрировать свое прощение посредством частых посещений семьи обидчика [16, 116 стр.].

Еще один положительный аспект, который может возникнуть в процессе примирения – это возможность превратить свою прошлую боль в будущую справедливость, тем самым способствуя тому, что евреи называют «тиккун олам». На иврите тиккун олам означает «улучшить мир» или «исправить мир». А в иудаизме тиккун олам является фундаментальной обязанностью. В качестве образца для подражания тех, кто не только примирился с теми, кто причинил им боль, но и продолжает активно помогать другим, особенно молодым людям, извлекать уроки из истории, чтобы это могло случиться неправильно, а не повториться.

Методы

Социально-исторический контекст как метод исследования.

С одной стороны, Вторая мировая война повсеместно воспринимается как важная и катастрофическая [17, 252 стр.]. Гитлер, нацисты, Хирохито и японская императорская армия почти везде считаются злодеями. С другой стороны, его коллективное запоминание породило различное содержание, основанное на различных групповых репрезентациях истории, которые влияют на групповые процессы и определяют, как группы относятся друг к другу посредством таких процессов, как привязка и мобилизация идентичности [17, 254 стр.]. Критические исторические события и фигуры предоставляют сырье, которое политическая элита может использовать для создания символов происхождения нации и ее текущей миссии. Таким образом, репрезентации истории могут определять привилегии и обязанности групп и узаконивать социальные и политические договоренности на национальном и международном уровнях. Кроме того, межгрупповое представление истории предлагает объяснение того, почему страны могут по-разному реагировать на сходные вызовы [18, 343 стр.; 19, 537 стр.].

Однако соседи Германии, особенно в Западной Европе, в целом признают, что Германия выразила искреннее раскаяние в своих военных преступлениях и, более того, что сегодняшняя Германия порвала с любым чувством политической преемственности с гитлеровской Германией [20, 5 стр.]. Это пример классической причины прощения: когда обидчик раскаялся, он понимает, насколько неправильными были его действия, он просит прощения.

Так, например, значение высказывания «поступки говорят громче слов» было продемонстрировано молчаливым преклонением колен Вилли Брандтом перед варшавским мемориалом памяти еврейских жертв Холокоста, что открыло возможность для сближения между Германией и Восточной Европой.

В то время поступок Вилли Брандта был воспринят противоречиво в Германии. Постепенно, с формированием новой групповой идентичности его поступок стал оцениваться как необходимый шаг не только для компенсации нанесенного вреда еврейскому народу, но и для возможности сближения этих двух групп на основе межгруппового прощения.

В соответствии с такой концепцией межгрупповое прощение включает уменьшение чувства мести, гнева и недоверия к группе преступников и намерений понять, приблизиться и взаимодействовать с ее членами [21, 352 стр.].

Одна из задач данной статьи - рассмотреть межгрупповое прощение в историческом и политическом контекстах на примере судьбы европейских евреев.

В 1933 г. большинство еврейского населения было сосредоточено в Восточной Европе, включая Польшу, СССР, Венгрию и Румынию. Многие восточноевропейские евреи проживали преимущественно в еврейских городках или деревнях. Они являлись культурным меньшинством, живущим обособленно от большинства, говорили на собственном языке – идиш, сочетающем элементы немецкого и иврита. Они читали книги на идиш, смотрели театральные представления и кинофильмы на своем языке. Несмотря на то, что многие молодые евреи в больших городах старались придерживаться современного стиля и носили новую одежду, старшее поколение часто одевалось традиционно: мужчины носили шляпы или кепки, женщины скромно скрывали волосы под париками или платками.

Для сравнения, евреи в Западной Европе – Германии, Франции, Италии, Нидерландах и Бельгии – составляли гораздо меньшую часть населения и предпочитали перенимать культуру коренных жителей. Они одевались и говорили так же, как местное население, а традиционные религиозные обряды и культура языка идиш играли менее важную роль в их жизни. Они чаще получали традиционное образование, чем восточноевропейские евреи, и предпочитали селиться в селах или городах.

До 1933 г, когда к власти пришли нацисты, в Европе существовала высокоразвитая и динамичная еврейская культура. За период последующих десяти лет большая часть Европы была завоевана, оккупирована или аннексирована нацистской Германией, а большинство европейских евреев – две трети – были убиты.

После окончания войны некоторым из главных преступников были предъявлены обвинения в совершении преступлений против человечности. Формулировка Ханны Арендт по этому поводу особенно очевидна: «Нацисты совершили преступление против человечности над телом евреев» [22, 275 стр.]. Действия, составлявшие преступления против человечности, не дополняли действия, составлявшие преступления против евреев и других; преступления против человечности не должны толковаться по модели побочного ущерба. Скорее их следует рассматривать как составленные из преступлений против более ограниченных групп: нанося вред евреям, цыганам и другим, таким образом и в той мере, в какой они это делали, нацисты совершали преступления против человечности. Если это так, то все человечество – жертвы нацистов, хотя, конечно, не в такой степени, как первичные жертвы, пострадавшие непосредственно от их рук.

Тем не менее правы те, кто настаивает на том, что прощение современного поколения не может заменить прощение погибших. Нацистов никогда нельзя полностью простить, поскольку большинство их основных жертв уже мертвы. Их прощение было бы гораздо важнее, а прощение современников не может заменить их прощение. Но из этого не следует, что не за что прощать преступников или что современные потомки не могут их простить. Таким образом, возможность прощения виновных в массовом уничтожении нацистами европейских евреев в годы Второй мировой войны не может быть отвергнута.

Вина виновных лежит за пределами обычной вины, поскольку то, что они сделали, определенно не является обычным правонарушением. То, что требуется для прощения, а также отсутствие обиды, по-видимому, является принятием определенного отношения к обидчику, отношения, которое можно в общих чертах охарактеризовать как пожелание ему добра. Прощая другого, группа больше не желает их падения и даже не чувствует безразличия к тем, что с ними станет, а вместо этого хочет, чтобы они процветали, чтобы у них была достойная жизнь. В некоторых случаях можно резюмировать отношение прощающего к обидчику как принятие позиции любви.

Результаты

Роль межличностного и межгруппового прощения в историческом контексте. Попытки распространить межличностное прощение на группы часто смешивают индивидуальные и групповые способности. Несколько вопросов особенно важны при рассмотрении вопроса о групповом прощении: Логично ли утверждение, что группы прощают? Имеют ли группы общее понимание, поведение и эмоции? Если да, то какие психологические компоненты составляют деятельность одной группы по прощению другой? Должно ли межгрупповое прощение быть демократичным? Может ли третья сторона простить группу?

В некоторых исследованиях считают, что межгрупповое прощение является продолжением межличностного прощения.

Межгрупповое прощение лучше всего рассматривать как социально-политический, а не религиозный конструкт, который лучше всего можно понять при рассмотрении в межличностном или социальном контексте.

В случае с евреями немецкого происхождения, пережившими Холокост, многие не только лично примирились с немецким народом, но впоследствии добровольно вложили много своего времени и энергии, чтобы внести свой вклад в образование о Холокосте как дома, так и в Германии. Они делают это для того, чтобы последующие поколения могли лучше защитить себя от предрассудков, конформизма, а также дискриминации и маргинализации меньшинств. Таким образом, они опираются на собственный опыт примирения, помогая избавить детей будущего от того, что пострадали дети Холокоста.

Проект «Stolpersteine» (камни преткновения)

В качестве коллективных воспоминаний обратимся к проекту «Stolpersteine» (камни преткновения), разработанному художником Гюнтером Демнигом в 1992 г. Небольшие памятные доски, заложенные в землю, призваны увековечить судьбу людей, которые были преследованы, изгнаны, убиты, депортированы или покончили жизнь самоубийством в эпоху национал-социалистов [23].

Stolpersteine были заложены в Германии, а также в 29 других странах Европы. Они считаются крупнейшим децентрализованным мемориалом в мире. Большая часть камней установлена в память еврейских жертв нацизма. Другие камни установлены в память цыган, свидетелей Иеговы, гомосексуалов, левых, участников движения сопротивления и других. Они побуждают прохожего остановиться и прочесть написанное.

В Бад Вильдунгене, небольшом курортном городе федеральной земли Гессен Германии, в период с 2006 по 2020 г. были заложены 104 камня преткновения для увековечивания памяти еврейских жертв.

Обратимся к проекту гражданской инициативы Johannes Grötecke, которым он руководит более 30 лет. Люди разного возраста (от учащихся до свидетелей тех событий), происхождения (например, местные жители, новые граждане, граждане иудейской веры) и профессионального опыта собираются вместе. Они получают поддержку от гражданского общества, а также от местных политиков, СМИ, политических партий, ассоциаций и частных предпринимателей.

Целью этой гражданской инициативы является не только сохранение памяти о прошлом, но также и противодействие нынешним правым тенденциям. Посещение выживших и их потомков Бад Вильдунгена также показывает, что совместный взгляд на ужасы нацистской эпохи и помощь в поиске семейных следов создают доверие и основу для лучшего будущего без расизма, антисемитизма и ксенофобии.

В последние годы потомки бывших евреев посетили Бад Вильдунген со всего мира. В поисках собственной семейной истории они движимы камнями преткновения, которые часто представляют собой один из немногих следов, оставленных их предками.

Для понимания пережитой трагедии хотелось бы рассмотреть несколько камней преткновения, которые были заложены в Бад Вильдунгене.

Есть примеры того, как представители нового поколения семьи приезжали в Бад Вильдунген, не затаив чувства обиды за произошедшее с их предками.

Семья Johanna Katz. Йоханна Кац (урожденная Леопольд), жена торговца лошадьми Исаака Каца, занимавшего место в городском парламенте в 1920-х г. Он умер в 1939 г. во Франкфурте-на-Майне. Сама же она была депортирована в 1941 г. и убиита в концлагере в Риге. Их сыновья Вернер и Юлиус бежали в США в 1939 г. Вернер воевал в Азии во время Второй мировой войны и был награжден как ветеран войны. В 2012 г. Бад Вильдунген посетили Дуглас и Даниэль Кац, соответственно, внук и правнук Йоханны и Исаака Каца.

Семья Erelbaum. Супруги Итта (урожденная Берманн) и Лейбиш Эпельбаум переехали из России в Бад Вильдунген и руководили «Центральным домом кино», основанным в 1920 г., то есть в золотой век кинематографа. Из-за непрекращающихся антисемитских преследований, семья сбежала в Швейцарию. Их дети, Соня и Феликс Эпельбаум, посетили Бад Вильдунген в 2005 г. и поддержали инициативу «Столперштейн».

Семья Verentz. Купец Якоб Беренц был последним евреем, изгнанным из Бад Вильдунгена в конце 1939 г. Уже в 1933 г. ему пришлось отказаться от своего бизнеса из-за своего происхождения и передать его своей жене-католичке Жозефине (урожденной Хорст). Затем он был депортирован в концлагерь Бухенвальд после ночи погромов 1938 г, позже вынужден был работать в Касселе. Они сами и их четверо детей Гертруда, Элен, Хильдегард Джули и Рудольф пережили войну.

Семья Wasservogel. Супружеская пара Зигфрид и Бабетта Вассервогель (урожденная Фюрстенхайм) из Берлина. С мая 1939 г они поселились в Бад Вильдунгене. Она умерла в Треблинке в возрасте 75 лет, он умер в 1942 г, за день до своего 78-летия; могила купца находится на еврейском кладбище Вайсензее в Берлине.

Семья Baruch и семья Willinger. «Палас-отель» был одним из двух кошерных отелей специально для курортников еврейского вероисповедания из Восточной Европы. Владельцами были Бертольд и Паула (урожденная Ротшильд) Барух. В то время как сын Вернер смог вовремя эмигрировать в Палестину, остальные члены семьи погибли: Барухи были убиты в Риге, сестра Бертольда Розали (жена Бахмана) в Освенциме; брат Фердинанд покончил жизнь самоубийством незадолго до запланированной депортации. Их внучка Рут Барух из Израиля несколько раз посещала Бад Вильдунген, как и Гершон Виллингер из Канады, мать которого была урожденной Ротшильд.

Margarethe Kaufmann. С 1904 г Др. Альберт Кауфманн, наряду с Др. Бертольдом Гольдбергом, который также был врачом еврейской веры, руководил урологическим праксисом с небольшой частной клиникой. Из-за растущих антисемитских настроений ему пришлось закрыть свою практику в 1934 г, а затем переехать во Франкфурт-на-Майне со своей женой Маргарет (урожденной Вольф). Он умер во Франкфурте в 1941 г, в это же время его жена была убита в Терезиенштадте.

Семьи Flörsheim, Erna Goldschmidt, Rieka и Rosa Jungheim и Settchen Löwenstern. В этом доме была табачная и сувенирная лавка. Родители Гизелы и Клары Флершайн рано умерли, поэтому они жили со своими братьями и сестрами Артуром, Джулией, Манфредом и Сабинной. Они умерли в концентрационных лагерях Славковском, Лодзи, Минске, Риге и Саласпилсе. Кроме того, в этом доме жили Эрна Гольдшмидт (жена Тромпа), погибшая в Освенциме, и Риека Юнгхейм, убитая в Избице. Роза Юнгхейм, депортированная в Ригу. Сеттхен Левенстерн (урожденная Яфет) умерла в возрасте 92 лет после того, как ее перевезли на восток в неизвестном направлении.

Обсуждение

Какое отношение эти личные судьбы имеют к опыту примирения с немецким народом? Существует очень прямая связь: освобождающая сила прощения в контексте многих семей побудила евреев искать примирения с немецким народом, так как примирение также оказывает освобождающее действие на раненое сердце. Примирение и прощение – не одно и то же, но у них много общего.

Межличностное прощение – это сознательный выбор. Оставить позади боль, обиду и желание отомстить, вызванные предательством, оскорблением, несправедливостью или другими глубокими переживаниями. Оно предполагает готовность. Принять прошлое, увидеть пропуск и преступника в более широком контексте и позволить состраданию и терпимости занять место негативных чувств.

«Прощение на личном/частном уровне – это процесс, который происходит внутри человека и между двумя людьми; социально-политическое прощение, с другой стороны, действует среди социальных групп и между ними и имеет место в сфере конфликтных межгрупповых отношений. Коллективное прощение, по сути, подразумевает социальную и политическую трансформацию, при которой культура мести и обиды постепенно уступает место растущему доверию... На уровне межличностного прощения только жертва может прощать, тогда как на уровне общественного прощения сложные вопросы, подобные этим, решаются. Кто может простить Другую группу? Кто может заниматься социально-политическим прощением? От имени кого и при каких обстоятельствах?» [24, 252 стр.].

«Во-первых, межличностное прощение, как правило, является частным делом между людьми. Межгрупповое прощение, с другой стороны, часто является предметом пристального общественного внимания, и призывы к межгрупповому прощению часто звучат с ярко выраженным политическим подтекстом...» [25, 446 стр.].

Предыстория и последствия Второй мировой войны стали важной частью немецкой истории и того, как сегодня рассказывается о немецкой идентичности [26, 25 стр.; 27, 43 стр.; 28, 88 стр.].

Если прощения трудно добиться на межличностном уровне, представьте, как трудно его добиться между группами. Действительно, некоторые авторы задавались вопросом, возможно ли вообще межгрупповое прощение.

Есть те, кто не готов прощать. Но есть и те, пережившие Холокост, жертвы ужасающих преступлений, которые способны простить тех, кто подверг их самым ужасным пыткам.

Для понимания всех препятствий, которые могут стоять между группами и примирением, во многих ситуациях легче ненавидеть, чем любить. Также иногда легче отрицать человечность других, чем признать ее. Но этот печальный факт делает еще более важным понимание сил в обществе, которые побуждают людей поддерживать свой антагонизм по отношению к другим.

Хотя понимание межгруппового прощения может быть полезно информировано литературой по межличностному прощению, могут быть качественные различия между прощением на двух уровнях. Действительно, говоря о межгрупповом прощении, имеется в виду не прямой обмен между жертвами и обидчиками, но с людьми, которые отождествляют себя с группами с разными ролями в конфликте и которые испытывают такие эмоции, как прощение, как члены своих групп.

«На межгрупповом уровне прощение исключает затаивание негативных чувств по отношению к категории преступников в целом... Прощая категорию преступников, следует уменьшить негативные чувства, связанные с категорией людей (например, с немцами в целом)». [29, 290 стр.].

Dixon, Tropp, Durrheim&Tredoux (2010) заявили, что в некоторых случаях хорошие отношения с группой правонарушителей могут препятствовать социальным изменениям и подвергать обездоленную группу дальнейшей несправедливости [30, 19 стр.]. Murphy (2003) отметил, что разумная степень мстительности не является ни иррациональной, ни аморальной. Мерфи утверждает, что мстительные эмоции могут быть уместны и предпочтительнее прощения в ответ на несправедливость [31, 196 стр.].

Хотя эти ученые поднимают важные критические вопросы относительно прощения, утверждается, что человек, который прощает, не обязательно требует возмещения ущерба или примирения с обидчиком [4, 63 стр.]. Похоже, что Dixon и др. [30, 76 стр.] также путают прощение с попустительством, потому что прощающая группа ясно видит несправедливость и не позволяет преступникам продолжать несправедливость. В ответ на опасения Murphy подчеркнем, что гнев может порождать гнев и причинять вред людям из поколения в поколение, даже если он начинается с небольшого возмездия [32, 105 стр.]. Важно помнить, что прощение начинается с признания обиды (таким образом, признания того, что она не является ни иррациональной, ни аморальной) и работы над этим, чтобы предотвратить причинение вреда другим через постоянное желание возмездия [33, 409 стр.].

Заключение

В статье рассмотрены ключевые понятия межличностного и межгруппового прощения, а именно сам конструкт прощения, трудности на пути к прощению (идентичность жертвы), отличие прощения от примирения, формирование доверия, межличностная безопасность, новой социальной идентичности и мотивация.

На примере судьбы европейских евреев во время Второй мировой войны была рассмотрена роль социально-исторического контекста в межличностном и межгрупповом прощении.

Благодаря изучению исторического контекста становится возможным познакомиться с образцами межличностного и межгруппового прощения, которые могут вдохновлять других людей на формирование своей новой социальной идентичности, отличной от идентичности жертвы.

Остается открытым вопрос, возможно ли межгрупповое прощение без межличностного прощения и, наоборот, как взаимосвязаны эти процессы, как социально-политический контекст может влиять на эти процессы.

Возможно, глобализация и модернизация современного общества, способствующие глобальной идентичности человека, помогут преодолеть трудности межличностного и межгруппового прощения, помогут сформировать определенный баланс между народами, большими группами людей, в котором не будет места национализму, экстремизму, дискриминации одной группы другой. А глобальная идентичность будет способствовать формированию доверия, межличностной безопасности, толерантности и способности прощать.

Список литературы

1. Watkins D., Hui E. K.P. Personality correlates of the disposition towards interpersonal forgiveness: A Chinese perspective. *International Journal of Psychology*. – 2004. – P. 305-316.
2. McCullough M.E., Rachal K.C., Sandage S.J., Worthington E.L., Brown S.W., Hight T.L. Interpersonal forgiving in close relationships: II. Theoretical elaboration and measurement. *Journal of Personality and Social Psychology*. –1998. – P.1586-1603.
3. Wade N.G., Hoyt W.T., Kidwell J.M., Worthington E. L. Efficacy of psychotherapeutic interventions to promote forgiveness: A meta-analysis. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 2014. – P. 154-170.
4. Enright R.D., Knutson J.A., Holter A.C., Baskin T., Knutson C. Waging peace through forgiveness in Belfast, Northern Ireland II: Educational programs for mental health improvement of children. *Journal of Research in Education*. – 2017. – P.63-78.
5. Noor M., Shnabel N., Halabi S., Nadler A. When suffering begets suffering: The psychology of competitive victimhood between adversarial groups in violent conflicts. *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2019. – P. 351-374.
6. Hanke K. Victim and Perpetrator Perspectives in Post World War II Contexts: Intergroup forgiveness and historical closure in Europe and East Asia. Unpublished doctoral thesis. Victoria University of Wellington, New Zealand. – 2009.
7. Noor M., Brown J.R., Prentice G. Prospects for intergroup reconciliation: Social psychological predictors of intergroup forgiveness and reparation in Northern Ireland and Chile. In A. Nadler, T. Malloy, & J. D. Fisher (Eds.), *Social psychology of inter-group reconciliation: From violent conflict to peaceful co-existence – going beyond victimization, guilt and distrust*. – 2008. – P. 97–114.
8. Manzi J., González R. Forgiveness and reparation in Chile: The role of cognitive and emotional intergroup antecedents. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. – 2007. – P.71-91.
9. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behaviour. In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations*. – 1986. – P. 7–24.
10. Hewstone M., Kenworthy J. B., Cairns E., Marinetti C., Geddes L., Parkinson, B. Postconflict reconciliation: Intergroup forgiveness and implicit biases in Northern Ireland. *Journal of Social Issues*. – 2008. – P. 303-320.
11. Gobodo-Madikizela P. Trauma, forgiveness and the witnessing dance: Making public spaces intimate. *The Journal of Analytical Psychology*. – 2018. – P. 169–188.
12. Nadler A., Liviatan I. Intergroup reconciliation: Effects of adversary's expressions of empathy, responsibility, and recipient's trust. *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2006. – P. 459–470.
13. Noor M., Brown, J.R., Prentice G. Prospects for intergroup reconciliation: Social psychological predictors of intergroup forgiveness and reparation in Northern Ireland and Chile. *Social psychology of inter-group reconciliation: From violent conflict to peaceful co-existence – going beyond victimization, guilt and distrust*. – 2018. – P. 97–114.
14. Lewicki R.J., Wiethoff C. Trust, trust development, and trust repair. *The handbook of conflict resolution: Theory and practice*. – 2017. – P. 86-10.
15. Govier T. *Forgiveness and revenge*. – New York: Routledge, 2022.
16. Kraybill D.B., Nolt S.M., Weaver-Zercher D.L. *Amish Grace: How Forgiveness Transcended Tragedy*. – San Francisco: John Wiley & Sons, 2007.
17. Liu J.H., Paez D., Hanke K., Rosa A., Hilton, D.J., Sibley, C. Cross cultural dimensions of meaning in the evaluation of events in world history? Perceptions of historical calamities and progress in cross-cultural data from 30 societies. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2018. – P. 252–274.
18. Hilton, D.J., Liu J.H. Culture and inter-group relations. The role of social representations of history. *The handbook of motivation and cognition: The cultural context*. – 2018. – P. 343–368.

19. Liu J.H., Hilton D. How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics. *British Journal of Social Psychology*. – 2005. – P. 537–556.
20. Hein L.E., Selden M. *Censoring history citizenship and memory in Japan, Germany, and the United States*. – New York: M.E. Sharpe, 2020.
21. Cehajic S., Brown R., Castano E. Forgive and forget? Antecedents and consequences of intergroup forgiveness in Bosnia and Herzegovina. *Political Psychology*. – 2018. – P. 351-367.
22. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. By HANNAH ARENDT. – New York, The Viking Press, 1963. – 275 p. -
23. Zembylas M., Michaelidou A. Teachers' understandings of forgiveness in a troubled society: An empirical exploration and implications for forgiveness pedagogies. **2019**.
24. Swart H., Hewstone, M. Forgiveness, Intergroup. *The Encyclopedia of Peace Psychology*. – 2012. – P. 445-449.
25. Buruma I. *The wages of guilt: Memories of war in Germany and Japan*. – NY: Farrar, Straus and Giroux.
26. Hauss C. Apology and forgiveness. In G. Burgess, & H. Burgess (Eds.), *Beyond intractability*. Boulder: Conflict Research Consortium, University of Colorado. – 2009.
27. Oliner S. P. Altruism, intergroup apology forgiveness and reconciliation. St. Paul, MN: Paragon House Orathinkal, Vansteenwegen, Enright, & Stroobants (2007). Further validation of the Dutch version of the Enright forgiveness Inventory. *Community Mental Health Journal*. – 2009. – P. 109-128.
28. Wohl, M.J.A., Branscombe, N.R. Forgiveness and collective guilt assignment to historical perpetrator groups depend on level of social category inclusiveness. *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2019. – P. 288-303.
29. Dixon J., Tropp L.R., Durrheim, K., Tredoux C. "Let them eat harmony": Prejudice-reduction strategies and attitudes of historically disadvantaged groups. *Current Directions in Psychological Science*. – 2020. – P. 76-80.
30. Murphy J. *Getting Even: Forgiveness and its limits*. – New York: Oxford University Press, 2003.
31. Enright RD., Fitzgibbons R.P. *Helping clients forgive*. – Washington: American Psychological Association, 2000.
32. Enright R. D., Fitzgibbons R.P. *Forgiveness therapy*. – Washington: American Psychological Association, 2015.

Ш.А. Султаналиева¹, А.И. Гарбер²

¹әл-Фараби атындағы қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

² «Reinhardshöhe» оңалту емханасы, Бад-Вильдунген, Германия

Тарихи контексттегі тұлға аралық және топ аралық кешірімділіктің рөлі

Аңдатпа. Соңғы онжылдықта ғалымдар жанжалды азайту және халықтар топтары арасындағы бейбітшілікті сақтау мен нығайту перспективаларын жақсартудағы топаралық кешірімділіктің рөлін қарастыра бастады. Кешірім конструкциясы соңғы кезге дейін негізінен жеке құбылыс ретінде сипатталды. Бұрынғы қақтығыстардан зардап шеккен топтар немесе халықтар арасындағы кешіру процесін символдық және физикалық деңгейде зерттеу маңызды. Конфликттен кейінгі топаралық кешірім әлеуметтік сәйкестік, ұжымдық кінә және ұят, топ аралық байланыс, топтық эмоциялар процестеріне байланысты және оң көзқарастарды дамыту арқылы қолдау табады. Оқиғаларды түсіндіру кешірім процесіне әсер етеді. Түрлі тарихи оқиғалардың тарихи жағдайын және салдарын зерттеу маңызды.

Біздің мақалада басқа топтың бір тобын кешіруді білдіретін нақты мысал қарастырылған. Әлеуметтік контекстке Германиядағы еуропалық еврейлерді этникалық белгілері бойынша кемсітуге қатысты тарихи қақтығыс жатады. Әлеуметтік контексті талдау негізінде екі халық өкілдерінің арасындағы топаралық кешірімділіктің болашағына қатысты болжам жасауға тырысуға болады, бұл бүгінде әлемде ұлтшылдық сезімдердің өсуіне байланысты өзекті болып табылады. Осылайша, әлеуметтік контекстке назар аудару тарихи контексттегі тұлғааралық кешірімділіктің рөлін де, оның топаралық кешірімдегі айырмашылықтарды түсіндіру мен зерттеудегі үлесін де талдауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: тұлға аралық кешірім, топаралық кешірім, еуропалық еврейлер, Холокост, әлеуметтік сәйкестік теориясы, топ аралық татулық, қауіпсіздік, сенім.

Sh.A. Sultanaliyeva¹, A.I. Garber²

¹*Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan,*

²*Rehabilitation Clinic "Reinhardshöhe", Bad Wildungen, German*

The role of interpersonal and intergroup forgiveness in a historical context

Abstract. In the past decade, scholars have begun to look at the role of intergroup forgiveness in reducing conflict and improving prospects for maintaining and strengthening peace between groups of peoples. The construct of forgiveness, until recently, was mainly characterized as an individual phenomenon. It is important to study the process of forgiveness between groups or peoples affected by past conflicts, both on a symbolic and physical level. Post-conflict intergroup forgiveness depends on the processes of social identity, collective guilt and shame, intergroup contact, group emotions and is supported by the development of positive attitudes. The interpretation of events affects the process of forgiveness. It is important to explore the historical context and consequences of various historical events.

Our article deals with a specific example, which means forgiveness of one group of another group. The social context includes the historical conflict over the discrimination of European Jews in Germany on ethnic grounds. Based on the analysis of the social context, it is possible to try to make a forecast regarding the prospects for intergroup forgiveness between representatives of the two peoples, which today is still relevant due to the growth of nationalist sentiments in the world. Thus, paying attention to the social context will allow us to analyze both the role of interpersonal forgiveness in the historical context and its contribution to explaining and exploring differences in intergroup forgiveness.

Keywords: interpersonal forgiveness, intergroup forgiveness, European Jews, Holocaust, social identity theory, intergroup peace, security, trust.

Сведения об авторах:

Султаналиева Ш.А. – докторант, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Қазақстан.

Гарбер А.И. – PhD, ассоциированный профессор, психотерапевт, реабилитационная клиника «Reinhardshöhe», Бад Вильдунген, Германия.

Sultanaliyeva Sh.A. – Ph.D. student, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Garber A.I. – PhD, Associate Professor, Psychotherapist, Rehabilitation Clinic «Reinhardshöhe», Bad Wildungen, Germany.